

14.06.2004

ЮБИЛЕЙ

"До слез знакомый образ"

— После "Покровских ворот", уверен, имя Савва приклеилось к вам раз и навсегда. Мне, например, так и хочется назвать вас Саввой Игнатьевичем.

— Ну поня-я-ятно: покажут фильм по телевизору, и вот тут, во дворе подходят: "Савва, Саввушка, иди, там Маргарита Павловна ждет". Ты не понимаешь: кто это, что это. Ну и ляпнешь, бывало: "А где она?" Они, дураки, смеются.

— Ну что поделает, Виктор Андреевич, такая уж у вас колоритная и очень узнаваемая внешность.

— Да ну, сейчас уже мало кто помнит — лет-то сколько прошло. Вот случай был. С одной знаковой актрисой возвращаемся после спектакля. Сели в метро, разговариваем. И вдруг смотрю: в конце вагона на полу лежит бомжиха. Спит. А тут объявляют, что поезд пойдет в депо, мол, просьба освободить вагоны. Ну и мы решили разбудить эту женщину, бомжиху значит. Потолкали ее, а она глаза открывает и в упор на меня. "О!" — говорит. — А у меня с тобой кассета есть". Представляете: я проехал весь путь, никто меня не узнал, а эта тетка только очнулась и — на тебе.

— Да, но самое главное отличие вас от Саввы Игнатьевича — это ваша борода. Почему вдруг решили отпустить?

— Я работаю в Малом театре...

— А, добавляет благородства чеховским и островским персонажам?

— Не-е-ет, ну при чем тут... Чтобы не клеить ее каждый раз, не вставать в очередь к гримеру. Вот приклейте себе, и потом снимите — посмотрим, что с вами будет. Очень неприятная штука.

— А если роль безбородая?

— Ну так сбрую! Но у нас в основном кого приходится играть? Царь Федор, царь Борис, купцы разные — вот с бородкой и хожу. Перед спектаклем, конечно, мне подбреют все аккуратно. А то, знаете, выхожу из театра, подходят поклонники и говорят: "Знаете, у вас бородка должна быть как у женишка. Нельзя такую большую носить". И куда деваться — приходится слезить... А однажды приезжаю в Новосибирск, поселили меня в гостиницу, а там — съезд бандитов. Попадаю с ними как-то в лифт. И чего-то там один, какая-то "шестерка", полез на меня: "Эй, ты че!" А другой, пахан его, что ли, посмотрел на меня и так одобрительно: "Бороду носишь. Бороду носят мужики и гении". Теперь понятно, зачем бывает нужна артисту борода?

"В нем есть начиночка — что-то подлинное"

— Как думаете, что про вас говорят знакомые?

— Вы знаете, 15-го числа будет передача, и там штук восемь коллег будут говорить обо мне. Я не знаю — что. Вот и посмотрим, что они обо мне скажут. Все скажут. Скажут как есть. Но, думаю, плохого говорить не станут.

— Ну понятное дело. Во-первых, юбилей...

— Во-о-от и-именно, вот именно...

— А сами себя могли бы в нескольких предложениях охарактеризовать?

— Нет. Зачем?... (Неожиданно заливается смехом.) Волосы дыбом, уши торчком — старый мудака с комсомольским значком. Это вас устроит?

— А в вас что-нибудь есть от Саввы? Например, говорят, большие люди — сплошь добряки.

— Ну, наверное, так. Но что же я всех маленьких сейчас буду судить, что ли, скажу, что самый лучший, самый добрый? Да нет же. Никакой я не ватный, не добрый. Я жизнь прожил, и не все

у меня хорошо...

— Были тя-

желые моменты?

— Хм, моменты! У

вас газеты не хватит, ес-

ли я начну все перечислять...

Моменты... (Тяжело вздыхает.)

Я пришел аппендицит вырезать:

семь человек в палате — шесть уходят,

а я лежу с распадом крови. Молодой,

только пришел в театр, одну лишь роль сыг-

рать успел. Я, конечно, ничего не знаю: лежу,

влюбился в медсестру. А врачи между собой шу-

шуются: "Все подтвердилось — скоро карточ-

ку в театре повесят". Поначалу-то думали, что

желтуха — глаза стали желтые, а оказалось — пе-

ритонит. Засандалили мне четыре операции, по-

том еще и швы вскрывали — выяснилось, что

сделали плохо. Ой, чего рассказывать-то... Было

время, у меня сердце побаливало. А потом я в

этих "Гардемаринов" упал с кареты — и прямо

под копыта лошади. В общем, потерял сознание.

Но что главное: с сердцем — все в порядке. Ка-

залось бы: шок — черт-те что могло произойти.

А так бывало: идешь, прихватит — вроде бы ни с

чего. Вот такие вещи, если вас это интересует.

— "Это, брат, сон! Хожу и жмурюсь"

— После "Покровских ворот" не жмури-

лись от сияния славы?

— Да уж. Помню, только вышел фильм, и

Миша Козаков устроил какой-то вечер. Я при-

шел. И подходит ко мне один космонавт, очень

известный. Тычет в бок свою жену и, показывая

на меня, шепчет ей: "Это же он. Ты видишь — тот

самый". Я так присосанился, мол: да, это я. А она

вдруг состроила такую кислую физиономию, от-

вечает мужу: "Да я вижу — он другой". Разоча-

ровалась, видишь ли. Ей нужен был тот — Савва! Но

такого ведь быть не может. "Мы так полюбили ва-

шего персонажа!" (Театрально заламывает руки,

изображая зрительский восторг.) Да нет его,

господи!

— Правда, что изначально Козаков ви-

дел в роли Саввы — Никиту Михалкова, а

вместо Равиковича и Инны Ульяновой долж-

ные были играть Андрей Миронов и Гундаре-

ва?

— Наверное, так и было. Я потом уже об

этом узнал — через 25 лет после выхода фильма

услышал от Михалкова: "Я должен был играть

Савву". Вы понимаете, раньше, когда начинали

картины, актеров искали по всему Советскому

Союзу. С Гундаревой я должен был пробоваться

— не смог в этот день из Свердловска приехать.

А Миронов якобы должен был играть Хоботова.

Но Миша сказал так: "Чтобы Миронов играл Хо-

ботова, ему надо чулок на лицо надеть". А боль-
ше я ничего не знаю.— У фильма целая история: его то клали
на полку, то вновь разрешали. Сильно пере-
живали?

— А как же, миленький! Конечно, одно рас-
стройство. Почему? За что? Ничего же не было
понятно. В это время Коренева уезжает в Амери-
ку — еще один удар. То, что фильм все-таки вы-
шел, — это, конечно, заслуга Миши. Перед тем
как запретили, он уже успел его везде прокру-
тить: в ВТО, в ЦДРИ, в Доме кино...

— Кстати, вы стали одним из виновников
запрета фильма. Невольно, конечно. Но ведь
именно ваш Савва якобы опорочил светлый
образ фронтовика, ветерана войны.

— Да. Было так: на пробке к сцене в ЗАГСе я

сломалась — искры били на всю стену. Ну по-
звонил: ко мне пришли и починили. Нет, вы зна-
ете, я все это уже прошел — и огороды во вре-
мя войны вскапывал, и червей в саду ковырял.
Ну зачем мне это надо? Тем более понимаешь,
что сам скоро к червям пойдешь. Мне что нуж-
но: вот — скамеечка, зелень. Только сегодня,
кстати, открыл это место. А я, идиот, живу чуть
ли не напротив и ни разу здесь не был. Понима-
ете, артисты... Яковлев, например, помню, при-
езжает на концерт в Щелково. После выступле-
ния выходит с черного хода. Через кофегарку,
прямо по кучам угля. И спиной ко всем садится.
Почему? За сезон устаешь от людей, вот и все.
Вот прийти сюда, в этот парк, сесть и смотреть
— больше ничего и не нужно. Дня три посидеть,
и можно жить дальше.

что к утру все перли к нам в общежитие.

— А кто входил в вашу компанию?

— У меня была комната, напротив жил Соло-
мин с женой, дальше — Коняев. А Роман Филип-
пов просто так приходил ко мне ночевать. Он жил
в квартире самого Качалова! Но ему там было
скучно, и он частенько бывал у нас. Кто еще?...
Федька Чеханков, Лева Борисов — масса людей,
все заезжали к нам на огонек. Но жизнь, понят-
ное дело, разводит.

— С компанией из "Покровских ворот"
тоже?

— С Равиковичем нас как-то свели — мы
должны были озвучивать какую-то рекламу. Ну,
конечно, встретились как родные — обнялись,
сразу стали анекдоты друг другу рассказывать. И
очень горько, что с Броневым почти не вижу.

— И все?

— Ну когда сезон. Роли большие, их по-
вторять надо.

— А так, чтобы вечером пойти с же-
ной, скажем, в кино или в театр?

— А что бы вы предложили посмотреть?
Да еще с женой.

— Почему: "да еще с женой"? Это
что-то меняет?

— Не знаю, как с ней приду — так плохой
спектакль. Сейчас если одному удастся вы-
браться, так ей и говорю: "Ты бы не высиде-
ла". Другое дело, есть спектакли, на которые
еще и не попадешь. Вот я бы сейчас к Райки-
ну поехал. Но на чем? Даже не знаю, где это.
Театр находится в таком месте, что попасть
туда могут или люди, которые живут рядом,
или нужно на машине ехать. Так и не был ни
разу.

— Но есть же много театров в преде-
лах Садового кольца?

— Так что же, мне пешком туда идти?
Извини меня, пока дойдешь, три раза
обосс... Ни одного же туалета в городе нет.

— Ну а кино?

— А что кино? С кино проблем нет. Вон
у меня видеопрокат поблизости.

— Что там берете?

— Все что угодно. Но я не смотрю
фантастику, не смотрю мордобой,
ужасы...

— И что же остается?

— Разговорник. Чтобы в таком
вот галстучке и рубашечке сидели лю-
ди и чтобы я не смог оторваться.

"Савва Игнатьевич, в конце
концов, выйди на первый план"

— В Малом театре вы один из самых
востребованных актеров, а вот в кино,
кроме "Покровских ворот" да яркого эпи-
зода в "Вокзале для двоих", многим и
вспомнить нечего. Почему так?

— Я снимаюсь только летом. Когда есть
возможность в отпуск съехать — хорошо, а
так — кто ж тебя пустит? Это ведь над-
стояно отпрашиваться — а сколько из-за
этого было неприятностей. Про это я вообще
не хочу говорить. Обидно: почему-то одному
можно, а другому нельзя. Вот так. Надо уметь
с ними говорить, договариваться. А я не
умею. Ну что поделает — не дано. А скажешь,
что у тебя картина, — так нарочно роль дадут.

— Почему вас практически не видно
на актерских тусовках, фестивалях?

— Ой, я даже не член Союза кинемато-
графистов.

— То есть вы из тех, кто предпочита-
ет не высовываться?

— Еще Чехов говорил: "Актеру надо быть
поменьше на людях, и лучше обойтись без
детей и живота". Да и куда высовываться, ес-
ли у меня ноги еле ходят. А знаете, как у нас
любит: "Давай, у нас последний спектакль,
пойдем выпьем". Так приходишь, поставишь
бутылки и уйдешь. "Извините, ребята, мне
завтра рано вставать". Зачем мне это надо?

— Вы такой обязательный? Опять-та-
ки, вспоминая вашего Савву: "Живут не
для радости, а для совести".

— Ну а чего, я столько видел необ-
ятельных. Театр переполнен такими. И что
мне прикажете делать?

"Хотите по гамбургскому счету?"

Извольте, давайте по гамбургскому

— 14 июня вам исполняется 70: на-
верное, рано подводить итоги?

— Да нет, пожалуйста, давайте подве-
дем. Жизнь прожита. Грешить нечего. Что ка-
сается профессии — очень я этого хотел,
очень любил. Все-таки почти 50 лет в Малом
театре, и слава богу. Но особенно я вспоми-
наю свою юность, еще до того, как приехал
поступать в Щукинское училище. Конечно,
уже не помню тех ролей — мальчишка же
был. Но помню ощущение — вот это было са-
мое сладкое.

— Но это скорее ностальгия по моло-
дости?

— Да. Но по какой молодости. Кто-то
вспоминает, как он окна разбивал. А я... (Ви-
ктор Андреевич распыляется в мечтатель-
ной улыбке.) Идешь, бывало, в школу, и какая
там учеба — ты эту роль повторяешь. И боль-
ше ни-че-го не нужно. Эх...

Дмитрий МЕЛЬМАН.

Виктор
БОРЦОВ:

"Ну что сказать
о себе? Волосы
дыбом, уши
торчком —
старый м... с
комсомольским
значком!"

надел одну медаль. А потом, когда снимали уже
по-настоящему, какая-то зараза принесла план-
ку с четырьмя медалями. А их не разорвешь! Вот
и начали говорить: издевается над ветераном...
Но, должен вам сказать (переходит на разгово-
рщичий тон), роль-то не положительная.

— Почему?

— Это я ее положительной сделал. Разма-
зывает еврея по стенке — все содержание пье-
сы. Понимаете?... Меня когда пригласили, сце-
нарий сначала не дали почитать. Просто сказа-
ли: "Савва твой — такой артист двора". А я жил
в таких дворах. Вечером приходили мужики,
садились на крылечке, курили, отдыхали, игра-
ли в домино. И они чудили, хохмили — это был
самый настоящий театр. Среди них, конечно,
был какой-то самый главный. И я вспомнил та-
кого, из своего детства. Он на наших глазах
вырос, отслужил, стал шофером, машинтош
носил, вот так двигался определенным обра-
зом. Его я и думал сыграть. Но когда я прочел,
у-у — это же мрачно. А Миша говорит: "Вот мне
и нужно было, чтобы ты спрятал все это за
"Волгу-Волгу".

— Сейчас, наверное, "Покровские воро-
та" уже не пересматриваете?

— Да нет, ну почему... Раньше, когда у меня
не было видео, и показывали, а я вдруг занят, —
даже нервничать начинал. А сейчас...

"Это в твоих руках все горит, а у него
в руках — все работает!"

— Можете назвать себя практичным че-
ловеком?

— Не-е-ет, абсолютно. Что вы, я весь в теа-
тре.

— Ну розетку починить, картину пове-
сить...

— Упаси господь. Как раз вчера розетка

"С утра заправляйся. Мозги —
они тоже этого требуют"

— Судя по вашей фигуре, покушать вы
явно не дурак?

— Сейчас я худею. Уже несколько дней.

— Зачем, тоже для роли?

— Да нет, напугали диабетом. Я потом про-
верил — все вроде нормально. Но так, на всякий
случай...

— Всегда были таким упитанным?

— Да что вы — военное детство! Худой был,
конечно. Кстати, когда я только начинал играть, к
нам в Оренбург приехал Бронево. 25 лет ему то-
гда было. И вот он мне сказал: "Витя, а у тебя бу-
дет живот". А я — худой мальчишка 19-летний.
"Почему?" — спрашиваю. "А по походке видно".

— Наверное, готовить любите?

— Терпеть не могу. Нет, ну могу, конечно,
положить из кастрюли в сковородку, разогреть.
Пельмени покупные могу сварить... Сейчас,
правда, их надо бы отставить.

"А кто не пьет? Назови! Нет, я жду"

— По этому делу как?

— А никак. Разве что шампанского выпью,
да и то теперь нельзя. Говорят, лучше водку пить.
А эту водку сейчас чуть ли не в ванной делают.
Поэтому нет — не пью.

— А как же разгульная театральная
жизнь, знаменитый ресторан ВТО?

— А-а! Это было и прошло. Как только тро-
нулись цены, как только Володя Носик пришел
туда, а ему сказали: "Простите, прочитайте,
сколько стоит боржоми". Он прочел и вышел. Вот
и все. А раньше с тремя рублями можно было
зайти и просидеть там всю ночь.

— Вы там были частым гостем?

— А как же! Я же на Станиславского жил. Так

К о -
нечно,
мы уже и
люди дру-
гие, но воспо-
минания оста-
лись очень прият-
ные.

— С Меньшиковым,
наверное, еще реже встреча-
етесь?

— Однажды совершенно случай-
но встретились. Шел я как-то прямо
здесь, возле дома, ночью, и он меня по поход-
ке узнал. Я даже удивился. Вот единственный
раз, когда я его видел. Нет, вру. Меньшиков
еще меня приглашал на спектакль. Замеча-
тельный был у него спектакль — "Игроки".

"Познакомился я однажды
с женщиной. Выдающейся красоты"

— Можете продолжить?

— Нет. Знакомился, конечно: и с "выдаю-
щейся", и с "невыдающейся". Нет, нечего рас-
сказывать.

— А я-то думал, сейчас расскажете, как
с женой познакомились.

— Мне 70 лет, ну с какой женой? Мы даже
не познакомились — нас сосватали. Слава богу,
жена есть — Бог послал. Не сразу, кстати. Нет, я
не хочу об этом говорить.

— То есть ловеласом вас не назовешь?

— О чем вы говорите, все уже давно проеха-
ли. Я живу на диване. Живу на диване и смотрю
телевизор. И с работы бы еще засветло верну-
лся. Потому что у нас тут во дворе живет один...
как его... ну этот, знаменитый телеведущий — так
ему однажды ночью по башке дали. Хоть иди да
оглядывайся. Была бы машина — дело другое.

— А чего не купите?

— Да была у меня, когда еще в Чертанове
жили — жена возила, сам-то я в машинах ни бум-
бум. А сейчас здесь, в центре, на Киевской. Кста-
ти, этот вход в метро — это же ужас, помойка. Так
я иду на остановку, сажусь на троллейбус и через
всю Москву еду в Малый театр. Лишь бы про-
ехать по чистому месту... Ой, я даже забыл, о чем
вы спрашивали. Про то, какой я ловелас, что ли?
Все было, конечно, все было...

"В своем немолодом уже возрасте
веду иллюзорный образ жизни: хожу
в кино на последний сеанс, три раза
был в оперетте"

— Из чего состоит ваш досуг?

— К роли готовлюсь.